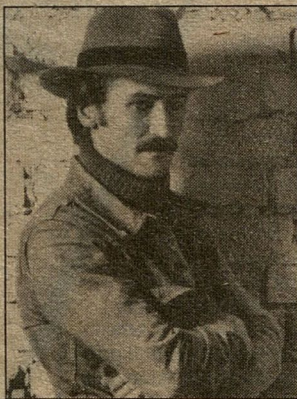


Московские новости. — 1996 — 14-21 янв. — с. 39

Театр и кино нашей памяти

ПРОГРАММЫ

Два очень разных и достаточно популярных артиста — Леонид Филатов и Вениамин Смехов — вышедшие из одного театра, делают на телевидении цикловые передачи. Первая называется «Чтобы помнили». Вторая — «Театр моей памяти».



Леонид Филатов



Вениамин Смехов

Передачи получаются тоже очень разные. Хотя тема общая — люди искусства. Несходство прежде всего в местоимениях. Вениамин Смехов вспоминает от себя лично. Леонид Филатов и его программа апеллируют к всенародной памяти. Памяти о тех артистах, которых уже нет в живых. Каждая передача последнего — что-то вроде мемориального комплекса у могилы достойного человека. Отсюда несколько назидательный и патетический слог ведущего. Он словно укоряет публику и выговаривает ей за то, что она столь легкомысленна, переменчива в настроениях и симпатиях.

Не в том дело, что публика не заслужила этого упрека, но в том, пожалуй, что слишком однообразны сами «комплексы». Они сконструированы по одной схеме.

...Был юный, улыбчивый Леонид Харитонов, сыгравший Ивана Бровкина и еще несколько ролей в кино, работавший во МХАТе; прошло совсем немного времени, и о нем забыли. И умер он незаметно для широкой публики. То же самое — об Инне Гулая, об Изольде Извицкой, о Екатерине Савиновой, о Юрии Зубкове, еще о нескольких артистах...

Нечаянное исключение — тот выпуск программы, что был посвящен Юрию Богатыреву. Вообще-то характерная для Филатова менторская, морализаторская интонация на сей раз осталась во «вступительном слове» и почти сразу забылась... Все, кто вспоминал об актере, — Саввина, Гундарева, Табаков, Михалков, Райкин — не просто говорили о нем хорошие слова, но заглядывали в себя, касались своих сокровенных переживаний, ощущений, сомнений...

Передача о Богатыреве — исключение не только нечаянное, но и обнадеживающее. Она намекает на возможность иных отношений с прошлым.

Память каждого из нас в отдельности и всех вместе не должна оставаться темной кладовой, в которую все, что не нужно в данную минуту, без разбору сваливается. В этом случае она делается похожей на знаменитую

плешкинскую кучу отслуживших свой век вещей. Культура — это другая «кладовая».

Проблема в том, чтобы прошлое оставалось жилым, а применительно к культуре — игровым пространством.

Вчерашний день культуры нуждается не только в мемориальном комплексе, но и в «мемуарной рефлексии». В последнем случае без местоимения первого лица единственного числа обойтись трудно.

Потому и не обходится без него Вениамин Смехов, когда вспоминает о своем общении с Николаем Эрдманом, или о работе над «Али-бабой», или о самом главном, что было и, очевидно, останется в его жизни, — о театре, который был для него многие годы домом.

Славное прошлое Таганки можно было бы и не ворошить. Таганка нынешняя раздвоена...

Осталось одно название, да и то на двоих. Но ведь та, что скрылась за горизонтом 70-х, не мираж; она была.

Смехов нашел верную позицию и интонацию в разговоре о своей артистической родине и родне. На сцене театра его памяти воспроизведен один из эпизодов обреченной борьбы за ту еще Таганку. Эпизод не героический, а вполне рутинный. Главный режиссер Юрий Любимов уже был выдвинут из страны. Но какая-то надежда еще теплилась, еще казалось, что можно посредством искусной интриги заставить советскую власть отступить.

Одним словом, раскручивался тот самый сюжет, который затем, после начала перестройки, Леонид Филатов столь художественно и патетически воспроизвел в своем первом и пока единственном фильме «Сукины дети».

То была страшно героизированная и в меру режиссерских способностей автора эстетизированная неправда о братской солидарности тех самых актеров и актрис, что через каких-нибудь два-три года жесточайшим образом перегрызутся из-за даяния.

И брат подает в суд на брата, и ученик напишет кляузу на учителя...

Самый смешной парадокс даже не в том, что здание Таганки, некогда считавшееся рассадником антисоветской заразы, стало сегодня одним из идейно-художественных оплотов возрождения советского режима. Но в том, пожалуй, что иные из «сукиных детей» Любимова, выдержав некогда испытание гражданственностью, не смогли сдать экзамен на элементарную человечность.

Смехов в своих воспоминаниях не оспаривает ничью правоту, ни моральную, ни материальную... Он всего лишь наводит мосты между прошлым и возможным будущим. Он и себя чувствует обязанным быть чем-то вроде «мостика» между тем, что делал когда-то в театре и кино, и тем, что делает нынче в театре и кино.

Юрий БОГОМОЛОВ